

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

КОЛЫБЕЛЬ РОССИИ

Почти семьсот лет назад в лесной чаще к северу от Москвы сыновья ростовского боярина Стефан и Варфоломей срубили келью и посвящённую Святой Троице “церквицу малу”. Так было положено начало Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, которая, как и всё великое, началась с малого и неприметного никому дела.

Мог ли оказавшийся случайно рядом современник угадать за плотниками стараниями братьев силуэт будущей славной обители, одной из главных святынь Православного мира!

Страшные, непроходимые леса окружали тогда Москву. Только ветер да дикий зверь оглашали воздух воем, петляя меж тесно стоящих стволов. Но не случайно выбрали ростовские братья место на холме Маковец...

Подобно тому, как Господь и предтеча Его Иоанн в разное время возведены были Духом в пустыню, где постились, претерпевая дьявольские искушения, так, несомненно, и Стефана с Варфоломеем вёл Дух Святой, указав место, где “... древние видяху <...> прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху”.

Не каменистая пустыня Иудейская, но так же малопригодная для жилья лесная чаща стала прибежищем двух пустынников, нарочно искавших безлюдной земли, чтобы в условиях, при которых труднее всего выжить, победить искушения постоянным напряжением всех физических и духовных сил. Но прошло не так уж много времени, и Стефан, не выдержав лишений, оставил брата, удалившись в Москву, в Богоявленский монастырь. Варфоломей же задумался об иноческом постриге, который и принял вскоре с именем Сергей.

“Радонежский чудотворец”, “игумен земли русской” называют основателя Свято-Троицкой Сергиевой лавры, связывая с его именем надежды на заступничество и молитву перед Богом. И не иссякают чудеса, творимые преподобным Сергием. По сей день исцеления и утешение получают припадающие к нему с верой. Но ещё при жизни Сергия его стараниями и молитвой совершилось нечто, что и по сей день касается каждого, живущего в России, независимо от того, к какому племени и какой вере он относит себя. Преподобный Сергей, вдохновитель объединения разрозненных в XIV в. русских земель вокруг Москвы, благословил, поддержал и наставил князя Дмитрия Ивановича перед Куликовским сражением, начавшимся поединком троицкого монаха Александра Пересвета с татарским богатырём Темир-Мурзой. Вместо шлема Пересвет был облатён в куколь схимника. “Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня!” — обратился он к товарищу, пришедшему с ним из Троицкой обители, и выдвинулся навстречу грозному татарину. Они сошлись и, ударив с силой копьями, упали замертво.

Победой русского войска закончилась битва на Куликовом поле. “Народ, привыкший дрожать при одном только имени татарина, — пишет В. О. Ключевский, — встал на поработителей, <...> повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями...”

Минули века... И вновь на переломном этапе истории монастырь оказался в центре событий. Когда в начале XVII в. Лжедмитрий II подошёл к Москве, когда дальнейшее существование русского государства, охваченного смутой, обескровленного врагом и властными притязаниями боярства, вызывало серьёзные сомнения, троицкие монахи и укрывшиеся за крепостными стенами жители окрестных сёл и деревень шестнадцать месяцев противостояли отрядам Сапеги и Лисовского, разоривши к тому времени Переславль и Суздаль, Ярославль и Ростов Великий. Непрекращавшиеся обстрелы и штурмы, подкопы, лазутчики, подсылавшиеся сеять измену, лишение осаждённых воды, голод и эпидемии — что бы ни происходило, что бы ни предпринимали поляки, монастырь стойко держался до тех пор, пока из Нижнего Новгорода не подошла помощь от воеводы Скопина-Шуйского. Хотя, как отмечал троицкий келарь Авраамий Палицын, подробно описавший осаду, защитники крепости “не введуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати”. Но, памятуя о завете преподобного Сергия Пересвету и Ослабе: “Мужайтесь, как храбрые Христовы воины! Приспело время вашей купли!”, — чернецы XVII столетия

*Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,*

*Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.*

(А. К. Толстой “Ночь перед приступом”).

А спустя почти сто лет именно из обители преподобного Сергия сделала первые свои шаги петровская Россия. Дважды укрывали Троицкие стены юного государя от восставших стрельцов. Здесь, в монастыре, вершил затем Пётр суд над сторонниками царевны Софьи, рвавшейся к единоличному управлению страной и предпринявшей неудачную попытку захвата власти. А перед монастырскими воротами — казнь над осуждёнными.

Можно сказать, что здесь, в обители преподобного Сергия, Пётр заложил один из первых камней в основание нового государства. Отсюда, после подавления второго стрельцкого бунта и заточения Софьи в Новодевичий монастырь, вышел он единоличным правителем, сознавая, что отныне только на нём, на его плечах лежит бремя власти и ответственности за страну.

Когда в XX в. разрушались по всей России храмы и монастыри, Свято-Троицкая Сергиева лавра не просто устояла, но приросла со временем красотой и благолепием. Отреставрированным храмам возвращался первоначальный облик, расчищались от позднейших обстроек старинные здания. Не пострадала Троицкая обитель и в годы Великой Отечественной войны.

“Белый как голубь”, — говорит о Троицком монастыре сирийский путешественник XVII в. Павел Алеппский. Точно голубь на кресте, водружённом над Россией — так тесно связана судьба обители с судьбой русского государства, сложившегося при участии преподобного Сергия. И не раз, когда решалась судьба страны, когда отжившее старое готовилось смениться грядущим новым, его обитель оказывалась в самой гуще происходящего, не просто молчаливо взирая, но принимая деятельное участие, влияя на ход событий. И как знать, быть может, исчезнет Лавра — исчезнет и Россия, охраняемая молитвой и предстательством преподобного Сергия, ревнителя о единстве русских земель, о силе и независимости русского народа. Будем же уповать, чтобы этот белоснежный голубь, водружённый над Святой Русью преподобным Сергием, не покинул своего места.